

Д.С. ПОЛУЛЯХ

**ДИСКУРСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ
РАЗВИТИЯ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

В современном глобализированном и быстро меняющемся мире потребность в стратегическом планировании возрастает. Чтобы воспользоваться появляющимися возможностями и предотвратить потенциальные риски, государства разрабатывают планы, прогнозы и стратегии развития. Все это подразумевает взгляд в отдаленное будущее, понимание которого доступно нам лишь через различные гипотезы, а значит, идеи, теории и идеологии [Стратегический... 2030, 2011, с. 40]. Такие дискурсы развития стремятся объяснить природу современных процессов, раскрыть наиболее важные причинно-следственные связи, представить определенную картину будущего и найти пути движения к нему.

В идейной среде общества циркулирует великое множество дискурсов национального развития, однако лишь некоторым из них суждено перейти из разряда рядовых концепций в разряд официально (или неофициально) принятых стратегий. Чтобы это произошло, дискурс должен заручиться поддержкой крупных правительственных, политических и общественных сил и доказать широким кругам свою незаменимость и неизбежность определенного сценария развития общества.

Мы предлагаем взгляд на проблему выбора государствами стратегий экономического, технологического и политического развития с позиции дискурса-анализа. Это предполагает взгляд на данные стратегии как дискурсы, успех или неуспех которых зависит не только от объективных мировых тенденций и рационального

выбора лиц, принимающих решения, но и от активной дискурсивной политики по формированию «гегемонистски» выработанного консенсуса по поводу будущего. Компаративное изучение дискурсов поможет выявить их общие и специфические характеристики.

Данная статья методологически опирается на два подхода к дискурсу-анализу. Во-первых, это постструктуралистская теория дискурсивной гегемонии, предложенная Э. Лакло и Ш. Муфф [Laclau, Mouffe, 1985]. Инструментарий, разработанный в ее рамках, помог современным исследователям выделить определенные дискурсивные стратегии гегемонов и «челленджеров», которые используются в дискурсах национального развития [Wullweber, 2013]. Во-вторых, это критический дискурс-анализ, исследующий стратегическое использования языка для объяснения властных отношений социальных сил [См.: Fairclough, 1999].

За дискурсивную гегемонию в современной мировой политике по разным аспектам развития конкурируют такие глобальные дискурсы, как «постиндустриальное общество», «экономика, основанная на знаниях», концепция «устойчивого развития» и связанные с ней экосоциальные дискурсы, различные технологические проекты, «неоиндустриализация» и пр. В данной статье мы рассмотрим дискурсы высоких технологий и устойчивого развития в их взаимоотношении с контрдискурсами.

* * *

Сегодня исследователи приходят к выводу, что развитие высоких технологий зависит отнюдь не только от «объективных законов общественной эволюции». Важнейший фактор такого развития – распространение технологических социальных концепций в обществе (таких, как «информационное общество» или «биотехнологическая революция») [Тузовский, 2009, с. 87].

Учитывая деструктивный потенциал многих перспективных технологий, представляется, что дискурс должен завоевать доверие самых широких слоев общества, выиграв «войну восприятий». Этим, например, объясняются неудачи индустрии биотехнологий, у которой появилась серьезная оппозиция в некоторых странах мира [Mitsch, Mitchell, 1999, p. 3]. Биотехнологии несут в себе не только физическую, но и эпистемическую опасность. Само поня-

тие «биотехнология» подразумевает деконструкцию традиционного понимания человека и его замену неким «киборгом», которому чужды «естественные» ценности [см.: Филянова, 2010]. Для многих обозначенные риски перевешивают конструктивный потенциал биотехнологий, которые, как доказывает дискурс, способны решить проблемы роста заболеваемости и смертности от различных болезней, увеличить продолжительность жизни, решить проблему голода и т.д.

Иная ситуация с индустрией нанотехнологий, которые, несмотря на заложенные в них значительные риски, не вызывают у общества серьезного отторжения. Таким образом исследователи делают вывод, что дискурсивные стратегии сторонников нанотехнологий увенчались успехом [Wullweber, 2008, p. 39]. Разберем этот случай подробнее.

Широкое общественное признание и принятие нанотехнологий было важной целью сторонников концепции нанотехнологического развития на Западе. Для этого они создавали институты, направленные на «просвещение» населения и инициацию «диалога» с оппозиционными группами. На деле же, как пишет Дж. Вульвебер, это была лишь видимость диалога, и критические мнения просто игнорировались: «Общая цель этих программ – это не обсуждение возможных проблем, а достижение принятия нанотехнологического развития» [Wullweber, 2008, p. 40].

Риторика подобных программ, призванных «развенчать опасения» населения по поводу нанотехнологий, включала в себя дискурсивную стратегию «*оправданных различий*» (legitimate differences), когда критики как бы встраивались в общий гегемонический проект нанотехнологий. Антагонистические, непримиримые противоречия включались в единую «*цепь эквиваленций*» (chain of equivalence) и преподносились как оправданные внутренние различия в рамках широкой стратегии развития.

Некоторые страны (Австралия, Дания) и различные организации по стандартизации (Soil Association в Великобритании и Demeter International в более чем 50 странах) стали исключать наноматериалы из своих стандартов из-за их опасности для человека [Paull, 2011, p. 96].

Интересы же многих правительств и корпораций сходились в безусловной поддержке нанотехнологического проекта. Правительства в развитых странах игнорировали скандалы и риски, свя-

занные с применением нанотехнологий в бытовой промышленности. Британская организация по стандартизации Soil Association писала: «Правительство игнорирует первые признаки риска и дает презумпцию невиновности коммерческим интересам, а не защите человеческого здоровья» [Soil Association, 2008].

Тема популяризации нанотехнологий в последнее время привлекает внимание многих исследователей. Появилось выражение «напо-хуре»¹, описывающее чрезмерные ожидания политиков и ученых по поводу практического приложения нанотехнологий. Дискурс, распространяемый учеными и политиками, в последнее время смог убедить руководство не одной страны в перспективности нанотехнологий, рассматриваемых как ключевая технология XXI в., которая повлияет на все крупные компании и все отрасли, и которая способна не просто производить новые блага, но и открыть новые способы производства, улучшить стандарты жизни и принести новую индустриальную революцию [Wullweber, 2008, p. 27, 38; National science... 2003, p. 1].

Полезным инструментом анализа нанотехнологического дискурса представляется взгляд на нанотехнологии как *«пустое означающее»* [Wullweber, 2008, p. 27, 30]. Вообще термин «нанотехнология» изначально был очень размыт, так как объединял под оболочкой означающего слишком разнородные технологии². Но в условиях, когда нанотехнологиям приписывают решение самых острых проблем человечества, термин начинает терять даже эту первоначальную определенность и приобретает более общее значение «новая индустриальная революция». Тем самым нанотехнология становится уже не просто технологией, а социально-политическим проектом. Дж. Вульвебер, предложивший этот подход, пишет: «Поборникам нанотехнологий “нужна” широта определения для того, чтобы сконструировать согласованный нарратив из самых разных источников» [Wullweber, 2008, p. 30].

¹ Нуре (англ.) – шумиха в СМИ, беззастенчивая реклама, обработка покупателей.

² Диффузия «нано-хайпа» и его ошеломляющий экономический успех еще больше способствовали акселерации процесса опустошения и раздувания понятия: ученые из самых различных областей стали злоупотреблять термином «нанотехнологии», рассчитывая тем самым привлечь государственное и частное финансирование [Berube, 2006].

«Наношумиха», поддерживая образ рекламируемых ею технологий как своеобразной волшебной палочки, перемещающей общество на новую ступень прогресса и дающей конкурентное преимущество на международной арене, была поддержана Национальным советом США по науке и технологиям, Европейской комиссией, а также структурами во многих других странах. На данном этапе, однако, результаты применения нанотехнологий пока довольно скромные, не сопоставимые с теми, которые пророчила реклама [Wullweber, 2008, p. 36].

* * *

В последние десятилетия громко заявил о себе новый подход к национальному развитию, имеющий при этом четкую глобальную ориентацию. Речь идет о дискурсе «устойчивого развития». Основываясь на Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию (1992), он поднимает проблему рисков дальнейшего стимулирования экономического роста в условиях разрушающейся природной среды. Данный дискурс «предполагает не только снижение остроты глобальных проблем, но и переход на новый уровень взаимодействия в рамках мировой системы, в основе которого будет находиться приоритет долгосрочного допустимого развития для населения планеты» [Столетов, 2013, с. 244]. Типичный для дискурсов развития эволюционизм здесь совмещается с уже знакомой нам стратегией «опустошения означającego», когда специфическое постепенно превращается в универсальное. И действительно, устойчивое развитие «изображалось как универсальное решение, которое, как предполагалось, принесет широкий спектр улучшений и решений различных проблем» [Methmann, 2014, p. 117].

Как и понятие «нанотехнология», понятие «устойчивое развитие» сегодня включает множество разнородных составляющих, или «субдискурсов»: экополитический, превентивной дипломатии и миростроительства, содействия глобальному развитию, финансово-экономической трансформации и т.п. [Столетов, 2013]. Раздувание понятия оборачивается его опустошением, и дошло до того, что сегодня уже невозможно четко определить, что же такое устойчивое развитие [Methmann, 2014, p. 117]. Находит свое применение

и стратегия выстраивания «цепи эквиваленций», когда экополитическая проблематика, находясь, безусловно, в центре дискурса, оказывается логически (а поэтому неразрывно) связана в едином проекте с такими задачами, как предотвращение технологических рисков, помощь развитию и т.п.

На сегодняшний день концепция «устойчивого развития» получила широкое признание в международном сообществе, и более ста стран приняли свои повестки и программы перехода к устойчивому развитию.

Как и в случае с высокими технологиями, дискурс устойчивого развития имеет контргегемонистскую оппозицию, причем гораздо более влиятельную и изобретательную. Ответом на стратегии «пустого означающего» и «цепи эквиваленций» становится «стратегическое прочерчивание границ» (strategic boundary drawing), которое подразумевает исключение определенных элементов из гегемонистской цепи эквиваленций [Wullweber, 2013, p. 12]. Вычленив экополитическую проблематику, критики обращают внимание на ее самый дискуссионный элемент – проблему изменения климата.

Главным объектом атаки они выбрали деятельность Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК), которая продвигает идею антропогенного глобального потепления (АГП) и якобы игнорирует роль естественных факторов в климатической динамике. «Климатические скептики», как их стали называть, даже сформировали эпистемическое контрсообщество под названием Неправительственная международная группа экспертов по изменению климата (НГИК).

Сам термин «климатические скептики» представляется нам стратегически сформированной дискурсивной конструкцией с целью создания «дискурсивного Внешнего» (Outside) по отношению к гегемонистскому дискурсивному полю климатической науки. Данная стратегия призвана как бы очистить климатическую науку от ненаучного скептицизма [Methmann, 2014, p. 59]. Дискурс изменения климата, таким образом, стремится как можно четче отгородиться от своих противников, не предпринимая попыток включить их в гегемонистскую цепь эквиваленций¹.

¹ Подтверждением этому стал скандал в 2009 г., известный как «Климатгейт», в ходе которого выяснилось, что господствующая позиция по изменению

Обе позиции имеют серьезную поддержку со стороны общественных, политических и корпоративных сил, которым порой приписывается организация злонамеренных заговоров. Так, «скептики» называют глобальное потепление PR-проектом, направленным либо на простое «освоение средств», либо на целенаправленную деятельность неких «национальных и международных сил» по свертыванию промышленного производства в развивающихся странах [Никонов, 2007; Горшков, 2009, с. 11]. Кроме того, по их мнению, элемент катастрофизма, присущий дискурсу, может быть использован некими силами для стимулирования стран к формированию глобальных регулирующих органов, в которых управление природными ресурсами и экосистемами будет осуществляться в партикулярных интересах [Павленко, 2011].

«Экологи» же утверждают в ответ, что «действительный смысл отрицания антропогенного фактора (в изменении климата. — *Д. П.*) — забота о свободе рынка и частного предпринимательства, об интересах тех корпораций, которые являются одними из главных виновников недопустимого увеличения эмиссии ПГ (парниковых газов. — *Д. П.*). Если все дело в природных процессах, то и предпринимать ничего не надо» [Вебер, 2015, с. 99]. «Климатический скептицизм», как утверждает А. Вебер, продвигают американские неоконсерваторы и либертарианцы, неолибералы и популисты в России, а также сторонники традиционного подхода к экономике и поборники национального суверенитета во всем мире.

* * *

Основное сходство рассмотренных дискурсов очевидно — они предполагают определенную стратегию национального развития в рамках глобального коэволюционного процесса. Словарь определяет понятие «развитие» как «процесс закономерного изменения, перехода из одного состояния в другое, более совершенное;

климата связана с закрытием доступа к публикации для ученых, не согласных с теорией антропогенного глобального потепления. И это лишь один из ряда скандалов, обвинений и разоблачений, в который вылилась эпистемическая война между МГЭИК и НГИК за состоятельность климатической науки в ее существующем виде.

переход от старого качественного состояния к новому, от простого к сложному, от низшего к высшему» [Ожегов, Шведова, 1992]. Стратегии развития, таким образом, призваны «закономерно» вывести экономико-технологический комплекс, социальную и политическую жизнь на новую ступень прогресса. Вопрос, однако, заключается в том, *что* именно считать этой ступенью. Каждый из рассмотренных дискурсов (технологического и устойчивого развития, а также более или менее целостный дискурс климатического и экоскептицизма) артикулирует понятие развития по-своему. В дискурс-анализе такие неустойчивые понятия называют «*плавающими означающими*» (floating signifiers). За их определение и встраивание в собственный проект социальные силы ведут дискуссивную борьбу [Methmann, 2014, p. 67–68]. Остановить неограниченное «скольжение» плавающих означающих призваны «*узловые точки*», «пристегивающие» и фиксирующие их значение [Жижек, 1999, с. 93]. Используя такое идеологическое пристегивание, экологи, например, превращают «развитие» в «устойчивое развитие».

По этому пункту сразу заметно различие между дискурсами. Если только одна сторона использовала нарратив развития для вопросов перспективных технологий («технологический прогресс» против «опасности технологического прогресса», «вперед, в искусственное» против «назад, к естественному»), то оба лагеря по вопросам устойчивого развития стараются присвоить себе позицию «защитников технологического прогресса», а если точнее, то навязать противнику ярлык «варвара». Так сторонники экономизма обвиняют «экофундаменталистов» в требовании «отказа от прогресса» и возврата в первобытное состояние [Латынина, 2013]. В свою очередь сторонники устойчивого развития видят в поборниках неограниченного свободного рынка тех, кто сдерживает развитие технологий низкоуглеродной экономики [Вебер, 2015, с. 102].

Второе сходство доминирующих дискурсов (технологического и устойчивого развития) – использование «пустых означающих», превращающих частную стратегию в универсальный проект решения коренных проблем страны / мира.

Наиболее же значительные расхождения проявляются в том, что дискурс нанотехнологий, формируя из антагонистических проектов цепи эквиваленций и называя их «оправданными различиями» внутри гегемонистского проекта, явно стремится интериоризировать контрдискурс. В случае же устойчивого развития наблюдается про-

тивоположная ситуация: климатические скептики признаются *внешним* элементом по отношению к дискурсу климатической науки. Какая из этих стратегий более эффективна для сохранения дискурсивного статус-кво – вопрос остается дискуссионным.

Список литературы

- Вебер А.Б.* Страсти по климату. Кто и почему против борьбы с глобальным потеплением? // Век глобализации. – 2015. – № 1. – С. 95–106.
- Горшков С.* Совершенно условный сценарий // НГ-Наука. – 2009. – 23 сентября. – С. 11.
- Жижек С.* Возвышенный объект идеологии / Пер. с англ. Вл. Софронова. – М.: Художественный журнал, 1999. – 236 с.
- Латынина Ю.* Окружающая среда гибнет от нищеты, а не от новых технологий // Новая газета. – 2013. – № 139, 11 декабря. – С. 7.
- Никонов А.* История отможенных в контексте глобального потепления. – М.: Энас, 2007. – 72 с.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М.: Азъ, 1992. – 908 с.
- Павленко В.Б.* Мифы «устойчивого развития». «Глобальное потепление» или «ползучий» глобальный переворот?» – М.: ОГИ, 2011. – 944 с.
- Столетов О.* Устойчивое развитие в глобальной политике: Проблемы и перспективы дискурс-анализа // SCHOLA–2012: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова / Под общ. ред. А.Ю. Шутова и А.А. Ширинянца; сост. А.И. Волошин; Центр стратегической конъюнктуры. – М., 2013. – С. 244–248.
- Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант / Под ред. акад. А.А. Дынкина; ИМЭМО РАН. – М.: Магистр, 2011. – 480 с.
- Тузовский И.Д.* Светлое завтра? Антиутопия футурологии и футурология антиутопий / И.Д. Тузовский; Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2009. – 312 с.
- Филянова В.Н.* Человек перед лицом новейших биомедицинских технологий // Российский институт стратегических исследований. – 2010. – 28 октября. – Режим доступа: <http://www.riss.ru/index.php/analitika/989#.UaYMN5zudas> (Дата посещения: 18.09.2015.)
- Berube D.M.* Nano-Hype: The Truth Behind the Nanotechnology Buzz. – Amherst. – N.Y.: Prometheus Books, 2006. – 521 p.
- Fairclough N.* Global Capitalism and Critical language awareness // Language awareness. – 1999. – Vol. 8, N 2. – P. 71–83. – Mode of access: <http://eprints.lancs.ac.uk/8546/1/la0080071.pdf> (Дата посещения: 12.08.2015.)
- Laclau, E., Mouffe, C.* Hegemony and socialist strategy. – L.: Verso, 1985. – 197 p.
- Methmann Ch, P.* We are all green now: Hegemony, governmentality and fantasy in the global climate polity: Dissertation. – Hamburg, 2014. – Mode of access:

<http://ediss.sub.uni-hamburg.de/volltexte/2014/6730/pdf/Dissertation.pdf> (Дата посещения: 21.08.2015.)

Mitsch F., Mitchell J. Ag Biotech: Thanks, but no thanks? Deutsche Banc Alex Brown // Farmers legal action group. – 1999. – 12 July. – Mode of access: <http://flag-sa.org/downdocs/Deutsche.pdf> (Дата посещения: 12.09.2015.)

National nanotechnology initiative. Research and development supporting the next industrial revolution. supplement to the president's FY 2004 Budget // National nanotechnology initiative. – 2003. – August. – Mode of access: http://www.nano.gov/sites/default/files/pub_resource/nni04_budget_supplement.pdf (Дата посещения: 12.09.2015.)

Paull J. Nanomaterials in food and agriculture: The big issue of small matter for organic food and farming. Proceedings of the Third Scientific Conference of ISOFAR, 28 September – 1 October 2011 // Organic eprints. – Namyangju. – 2011. – Mode of access: <http://orgprints.org/19528/1/Paull2011NanoISOFAR.pdf> (Дата посещения: 12.08.2015.)

Soil Association. Soil Association first organisation in the world to ban nanoparticles – potentially toxic beauty products that get right under your skin. Press release // NW Resistance against genetic engineering. – 2008. – 17 January. – Mode of access: <http://nwrage.org/content/soil-association-first-organisation-world-ban-nanoparticles-potentially-toxic-beauty-product> (Дата посещения: 11.08.2015.)

Wullweber J. Nanotechnology – An empty signifier à venir? A delineation of a technosocio-economical innovation strategy // Science, technology & innovation studies. – 2008. – Vol. 4, N 1, July. – P. 27–45.

Wullweber J. The molecular practices of security. Thinking security bottom-up. Paper presented at the 8 th Pan-European conference on international relations on 19 th–21 th September 2013, Warsaw // European international studies association. – 2013. – September. – Mode of access: http://www.eisa-net.org/be-bruga/eisa/files/events/warsaw2013/Wullweber_Molecular_practices_of_security.pdf (Дата посещения: 29.08.2015.)